

жет развалиться, подобно Союзу. Всё, что остаётся России, это спасти себя и свою экономику. Также они предлагали объявить РФ преемницей СССР — это значило принять на себя советские долги, но также унаследовать ядерный арсенал и статус великой державы

После некоторых колебаний Ельцин принял их предложение. 28 октября он встал во главе «правительства реформ» и объявил, что Россия пойдёт к рынку одна, без союза с другими республиками. В ноябре российские власти взяли под свой контроль все союзные министерства и структуры, включая Госбанк и денежную эмиссию. Ведущие украинские политики к этому времени уже встали на путь безоговорочного выхода из Союза, что увенчали прошедшие в республике 1 декабря референдум и президентские выборы. Позиции РФ и Украины сделали возможным политическое и юридическое оформление смерти СССР. Обнародованная 8 декабря в Беловежской пушке декларация лидеров России, Украины и Белоруссии о прекращении существования СССР «как геополитической реальности и субъекта международного права» подвела черту под странной историей самоликвидации великой державы.

Александр Шубин

Основные проблемы и этапы истории перестройки

Aleksandr Shubin (Russian State University for the Humanities; Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The main problems and stages of the history of «perestroika»

DOI: 10.31857/S086956870004490-0

Очерк Р.Г. Пихои о периодизации истории «системного кризиса Советского Союза» очень интересен для нас, специалистов по тематике перестройки. Статья сочетает концептуальность и детализацию. Рассуждая об отдельных событиях, автор приводит интересные архивные ссылки. Есть с чем согласиться, есть и с чем поспорить. Краткий объём, предоставленный для комментирования, позволяет ограничиться лишь общими тезисами и замечаниями¹. Этот очерк посвящён прежде всего концептуальным вопросам истории перестройки как периода истории нашей страны.

Различение явлений. Р.Г. Пихоя начинает историю «системного кризиса» с предыстории — второй половины 1970-х гг. Под «системным кризисом» он понимает такой кризис, который ведёт к гибели системы. Если считать «системой» СССР как государство, то такое понимание телеологично и фаталистично. Получается, что СССР был обречён уже в конце 1970-х гг. Но автор формулирует своё понимание термина более развернуто, что делает его позицию не столь категоричной: «Под системой я понимаю Советский Союз как идеологически организованную форму государственной власти в России с присущими ей политическими, экономическими и социальными особенностями». Таким образом, речь идёт не о разрушении СССР как государства, а о существенном изменении его социально-политической и социально-экономической структур,

¹ Подробнее см.: Шубин А.В. Истоки Перестройки (1978—1984). М., 1997; Шубин А.В. Парадоксы Перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005; Шубин А.В. Преданная демократия. Неформалы и Перестройка (1986—1989). М., 2006; Шубин А.В. Распад СССР: объективные и субъективные факторы // Распад СССР. М., 2006; Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975—1985 гг. М., 2007.

связанном с отказом от идеологически организованной формы. Я называю это явление кризисом и падением коммунистического режима. Такое понимание позволяет разделить два связанных, но различных исторических явления — крах политического строя и распад государства. Однако чуть ниже Пихоя всё же пишет о предопределённости «распада страны», возвращаясь на позиции фатализма. Между тем нужно отдельно доказать и неизбежность падения (а не трансформации, как в КНР) коммунистического режима, и тем более неизбежность распада СССР. Таким образом, необходимо разделять понятия «падение режима», «распад СССР» и «системный кризис» (кризис разных составляющих системы). Последний не обязательно ведёт к гибели системы. Он может вести и к её трансформации.

Я солидарен с автором в том, что причиной перестройки стал системный кризис. Но его системность заключалась не столько в предопределённости гибели СССР, сколько в том, что он охватил все стороны жизни и состоял из взаимосвязанных составляющих: кризиса сверхдержавы; кризиса «государственного социализма», т.е. государственно-монополистического индустриального общества; кризиса авторитарной государственно-политической системы; этнонационального кризиса². То, что Пихоя называет «нарастанием идеологической индифферентности в обществе», точнее было бы определить как рост идеологического многообразия советского общества. По мере ослабления ортодоксии распространялись взгляды, не совпадавшие с ней, хотя в большинстве своем находившиеся в рамках марксизма. Распространение идейного плюрализма обеспечило развёртывание во второй половине 1980-х гг. плюрализма политического³. Напряженный стратегический поиск шёл и в руководящих кругах, где формировались концепции ускорения и перестройки.

От ускорения — к перестройке. Говоря о периоде 1982—1985 гг., автор традиционно разделяет его на андроповский и черненкоковский этапы. Но нужно иметь в виду, что основные мероприятия, начатые при Ю.В. Андропове, не только не прекратились при К.У. Черненко, но и осуществлялись в первые годы правления М.С. Горбачёва. Андропов поставил задачу «ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода... напряжённые задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов»⁴. Проводилась политика авторитарной модернизации, основанная на идее «ускорения научно-технического прогресса» и, на его основе, повышения эффективности, укрепления дисциплины, изменений в структуре бюрократического аппарата, хозяйственных экспериментов. Эта политика продолжалась до 1988 г., и политические реформы начались лишь после того, как она зашла в тупик. А вот политика рыночных хозяйственных реформ была анонсирована как перестройка в 1986 г. Таким образом, можно говорить о двух пересекающихся периодах: ускорение (авторитарно-административная модернизация 1982—1988 гг.) и перестройка (системные рыночные и политические преобразования 1986—1991 гг.). Последний распадается на три этапа: экономические реформы 1986—1988 гг. (закон об индивидуально-трудовой деятельности, закон о государственном предприятии, закон о кооперации и др.); политические реформы (1988—1991 гг.) и распад СССР (вторая половина 1991 г.).

² Подробнее см.: Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя... С. 90—160.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008.

⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. М., 1983. С. 6—7.

Андропов и его советники осознавали, что советская система подошла к пределам своего развития — это и составляло суть кризиса. Но у них не было понимания перспектив индустриального общества. Они надеялись на новый виток НТП, но не понимали социальных условий его осуществления — прежде всего стимулирования творческой активности интеллигенции и трудовой активности рабочих, что неразрывно связано с расширением демократических свобод. Это было чуждо Андропову. В связи с чем не могу поддержать мысль, что гласность берет начало в период его правления. Официальное информирование, в том числе и о разоблачениях «не оправдавших доверие» руководителей, существовало и раньше — даже во времена И.В. Сталина. Гласность же предполагает расширение сферы дискуссий, и этот процесс стал заметен именно при Горбачёве. Так что вызывает сомнение утверждение, что публикации в прессе андроповского времени знаменовали «стремление вовлечь средствами печати активную часть населения в политическую жизнь, как считалось — под контролем власти» и что это «стало качественно новым явлением». «Вовлечение» было обычной практикой на протяжении всей истории советского общества. Оно проводилось через официальные структуры: саму КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС и др. Чтобы делать карьеру, активному человеку следовало вступить в комсомол, затем в партию. Для контроля над активной, политически «читающей» частью общества всегда использовалась пресса. О качественной новизне в этой сфере можно говорить только тогда, когда граждане стали массово выходить из-под контроля партийно-государственного руководства. При Андропове об этом речи не шло: диссидентское движение было разгромлено, а политические неформалы ещё не появились. Только с 1988 г. можно говорить об общественном движении, самостоятельном от КПСС⁵. Конечно, нельзя принимать за чистую монету и заявления Горбачёва в 1985 г., что пресса может стать «оппозицией».

Р.Г. Пихоя справедливо пишет о проблеме бюджетного дефицита, нараставшего во второй половине 1980-х гг., традиционно связывая его с падением цен на нефть и антиалкогольной кампанией. Но в литературе обычно обходят вниманием ещё одну, серьёзную причину — саму авторитарную модернизацию. В производство средств производства в 1986—1989 гг. было вложено на 118,2 млрд руб. больше, чем в 1980—1984 гг.⁶ Такие вложения дают отдачу медленнее, чем инвестиции в производство средств потребления. Омертвить огромный капитал, пока новая техника не начнет давать прибыль, означало до предела напрячь бюджет. Тем более что стоимость неустановленного оборудования в 1986—1989 гг. (с 1 января до 31 декабря) выросла с 14,4 до 18,2 млрд руб.⁷ Уроки ускорения не извлечены до сих пор. В наше время правители также надеются решить технологические проблемы, просто вложив средства и не заботясь о создании социальных условий для их эффективного освоения. Правда, нужно отметить, что в СССР осознание этой проблемы хоть и с опозданием, но всё же произошло: в 1987 г. был принят закон о государственном предприятии. Однако эта реформа не дала ожидаемого результата. Причины провала экономических реформ перестройки — важная научная проблема, от которой авторы либерального толка обычно отмахиваются в силу несоответствия канонам их идеологии. Но и возможность применения этих канонов в ситуации СССР крайне сомнительна.

⁵ Подробнее см.: *Шубин А.В.* Преданная демократия... С. 173—266.

⁶ Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 551.

⁷ Там же. С. 327.

При оценке реформ 1980-х гг. необходимо учитывать, что они проводились в беспрецедентных условиях. Советская экономика создавалась как «единая фабрика», и монополизм в ней носил технологический характер. Во многих случаях конкуренция между предприятиями была принципиально невозможна, а возникнув, вела к разрушению цепочек производства продукции. С учётом этого даже более продуманные реформы принесли бы значительные издержки. Горбачёв же смотрел на проблему идеологически, надеясь на успех простых решений. Как мы теперь знаем, расширение хозрасчёта в масштабах всей страны привело не к реорганизации, а к дезорганизации экономики. На мой взгляд, главной причиной неудач стала асинхронность реформ, когда одни элементы нового вводились, а другие, причем важнейшие, задерживались на годы. Страх перед скачком цен и бесконтрольным развитием кооперативного производства не просто сковывал, но и направлял хозяйственную активность в деструктивное для производства русло. Создав ситуацию, при которой руководство предприятий стало независимым от министерств, и в то же время не обеспечив возникновения конкурентной среды, реформаторы расширили возможности для развития не рыночных, а теневых и коррупционных отношений.

Бюрократия не предоставила кооперативам достаточных условий для развития в условиях, когда государству принадлежали и сырьё, и инфраструктура сбыта продукции. В результате кооперативы (а затем и частные капиталы) предпочитали финансово-торговые операции, а не создание новых производств. Хозрасчёт и кооперация были задуманы как два сектора, которые постепенно сближаются и конкурируют. На деле получилась «конвергенция» не «всего лучшего в социализме и капитализме», а «всего худшего» — коррупционное сращивание общественно-государственных ресурсов и частного кармана под вывеской кооперации. Через кооперативы стали перекачиваться финансовые средства государственных предприятий и ведомств. Государственный и частный «карманы» не были разделены, что «обескровило» государственные предприятия и сформировало модель бюрократизированного периферийного капитализма.

Политические преобразования. Неудача социально-экономических реформ — очевидная причина перехода в 1988 г. к реформе политической. Но были ли альтернативы? Мог ли Горбачёв продолжить авторитарную модернизацию? Её направления, начатые при Андропове, зашли в тупик. Попытки дополнить ускорение перестройкой тоже не давали результата. Но это само по себе не вело автоматически к демократизации. Здесь выбор стратегии оставался за лидером страны. Выборы и политическая борьба могли вдохновить интеллигенцию — но такое допущение не было очевидным и реализовалось лишь отчасти. Более важные мотивы Горбачёва были связаны с борьбой за сохранение у власти реформаторского руководства в условиях явного кризиса реформ.

Горбачёв вынужден был постоянно учитывать опасность консервативного переворота, помня события 1964 г. В то же время население демонстрировало ему свою поддержку. В этих условиях он стал склоняться к идее демократизации, т.е. более широкого привлечения простых граждан к политике, чтобы в случае необходимости противопоставить сопротивлению консервативной части партийного аппарата поддержку «низов». Впрочем, в условиях непопулярных мер, которые пришлось бы осуществлять при переходе к рынку, актуальным становился и опыт 1962 г. Выборные механизмы давали шанс избежать бунтов, так как энергия недовольства могла уйти в электоральные каналы (это

во многом и произошло). Однако и здесь реформаторов подвело отсутствие комплексности преобразований. Они не смогли синхронизировать рыночные и демократические реформы. Финальный этап первых запоздал настолько, что политические баталии их заблокировали (в частности во время полемики о программе «500 дней»).

Р.Г. Пихоя пишет о важности выборов 1989—1990 гг.: «Альтернативные выборы “съели” номенклатурную систему, стали колыбелью для национальной оппозиции в КПСС и в Советах и, в конечном счёте, подготовили развал СССР». Между тем выборы 1989 и 1990 гг. — очень разные по своему характеру и значению. Первые были сконструированы так, что руководители КПСС получали гарантированные мандаты, радикальные оппозиционные активисты же не допускались до выборов с помощью предвыборных собраний и других ограничений. Более 87% депутатов союзного съезда являлись членами КПСС. Часть из них относилась к партийному руководству нелояльно, но проявляли своё недовольство немногие. Так, из 2 250 депутатов лишь 388 решились записаться в Межрегиональную депутатскую группу. Так что в 1989 г. номенклатурную систему не «съели», а разве что «покусали». Горбачёв сознательно шёл на смену кадров номенклатуры, но не отказывался от административных ресурсов КПСС. Только по мере усиления оппозиционных организаций (прежде всего «Демократической России») и мобилизационного потенциала демократических митингов, появления новых партий можно говорить о том, что номенклатурный принцип выдвижения кадров ушёл в прошлое. Символом крушения номенклатурности стал выход из КПСС Б.Н. Ельцина, Г.Х. Попова и А.А. Собчак. Однако они решились на это только в июле 1990 г., после победы в борьбе за лидерство в соответствующих представительных органах власти.

То же самое можно сказать и о национальных движениях. Массовые и поддерживаемые лидерами компартий движения в Прибалтике и отчасти Закавказье начались ещё весной 1988 г. Выборы не стали для них «колыбелью». Сам Пихоя, говоря об истоках сепаратизма, находит их раньше, чем в выборах 1989 г. Правда, массовые движения 1986—1988 гг. не выдвигали лозунга независимости от СССР, их участники были автономистами, а не сепаратистами. Только после победы на выборах 1990 г. в республиках Прибалтики, Грузии и Армении приступили к решительным шагам по выходу из СССР (попытка захвата власти Народным фронтом в Азербайджане произошла раньше из-за обострения конфликта вокруг Нагорного Карабаха). Таким образом, выборы 1989 г. ещё не предопределяли «развал» СССР и на этом этапе могли вести к трансформации Союза. Впрочем, возможности такой трансформации сохранялись и после 1990 г. — лишь с некоторыми территориальными потерями для СССР.

Наиболее серьёзную угрозу союзному центру несло возникновение самостоятельного центра власти в РСФСР. Пихоя прав, когда пишет о роли противников демократического движения в выдвижении идеи суверенитета России. Он указывает на аппарат ЦК КПСС, но ситуация была сложнее. С такой инициативой выступали круги, ориентировавшиеся не на партийный центр, а на создание российской компартии. У них имелись идеологи и активисты вне аппарата ЦК КПСС⁸.

Применительно к 1987 — апрелю 1989 г. нельзя говорить и об отказе руководства страны от коммунистической идеологии. Это произошло позднее.

⁸ Подробнее см.: Шубин А.В. Преданная демократия... С. 297—299; Шубин А.В. Парадоксы перестройки... С. 424—426.

Тогда же, например, не удалось добиться санкции на публикацию знакового антикоммунистического произведения — «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Она началась только во второй половине 1989 г. в журнале «Новый мир». В борьбе против идеологии большую роль сыграли низовая оппозиция и её самиздат, который стал наращивать тиражи и конкурировать с официальной прессой. Благодаря этому запреты на публикации в ней стали бессмысленными, и в 1990 г. цензура была вовсе отменена, что положило начало короткому этапу свободы печати.

Поскольку решающую роль в политических преобразованиях начало играть уже не действующее «сверху» реформаторское руководство КПСС, а действующие «снизу» массовые оппозиционные движения, можно говорить не только о периоде политических преобразований, но и о революции. Решающие успехи в борьбе за демократию принесли мощные манифестации февраля 1990 г. В марте была отменена прежняя редакция ст. 6 Конституции о КПСС и легализована многопартийная система. Эти и другие события (скажем, «пикирующий» экономический кризис, уход из Восточной Европы), которые автор относит к периоду, начавшемуся в мае 1989 г., относятся уже скорее к 1990 г.

Рубежные для 1989—1990 гг. события (появление «Демократической России», февральские манифестации, III Съезд депутатов СССР и введение президентства, наконец, выборы 1990 г.) произошли не в мае 1990 г., как пишет Пихоя, а раньше. В «майской» датировке проявляется «ельциноцентричный» взгляд на события. На мой взгляд, при всей важности фигуры Ельцина, без массового демократического движения он так и остался бы опальным мало-влиятельным политиком. Суть событий 1989—1991 гг. не в действиях Ельцина и его окружения, а в массовых акциях, выборах, многосторонних дебатах по всему Советскому Союзу. Соответствующей должна быть и периодизация перестройки. Начиная с 1988 г., со времени первых массовых оппозиционных манифестаций, перестройка — уже не просто реформы, но революция, а в революции действия властей не могут быть успешными без учёта настроений политически активных масс.

Союзный договор. Р.Г. Пихоя упоминает проблему заключения Союзного договора — одну из ключевых для 1990—1991 гг. — лишь вскользь: «Заметим, что республики Прибалтики и Молдавия, включённые в СССР в 1940 г., даже формально не были участниками Союзного договора, не подписывали его». Но тогда нужно напомнить, что ни в 1940 г., ни в 1990 г. Союзный договор не существовал в природе, и его не подписывали не только республики Прибалтики, но и вообще большинство республик СССР. Договор как акт действовал до 1924 г., после чего был поглощён Конституцией СССР, определившей основы государственно-политического устройства СССР. Конституция действовала в отношении республик Прибалтики на равных основаниях с другими республиками. Идея заключения нового Союзного договора как акта, равного по силе Конституции, была выдвинута ещё на XIX партийной конференции первым секретарём ЦК компартии Эстонии В.И. Вялясом⁹. Стремясь сохранить Прибалтику в составе СССР, Горбачёв сделал важную уступку национальным движениям, признав возможность заключения такого договора. Эта идея поставила под сомнение саму легитимность существования СССР, пока он не

⁹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчёт. Т. 1. М., 1988. С. 71—77.

заклѹчѣн. Такое субъективное решение оказалось ошибочным с точки зрения сохранения СССР.

Однако легитимность существования СССР была подтверждена референдумом 17 марта 1991 г. В нём приняли участие 79,5% избирателей, 76,4% из которых высказались за сохранение обновлённого союзного государства. Пихоя считает, что итоги референдума «можно было толковать на любой лад». Но очевидно, что большинство жителей большинства республик, в том числе России, Украины и Белоруссии, высказались за сохранение СССР, и их лидеры без нового референдума не имели права нарушать эту волю. Иной позиции придерживалось большинство жителей республик Прибалтики, Грузии, Армении и Молдавии, что открывало перед ними перспективу обретения независимости демократическим путём. Но это означало не распад СССР, а лишь сокращение его территории. Также странно считать «антикоммунистическим» вопрос российского референдума о введении поста президента в России — ведь он вводился и в других республиках, в том числе тех, где компартия сохранялась у власти.

В связи с этим уместно вернуться к вопросу о соотношении падения коммунистического режима и распада СССР. Антикоммунисты вовсе не были автоматическими противниками сохранения Союза. Более того, на мой взгляд, в гораздо большей степени, чем её противники, «мотором» распада страны стала номенклатура. Процесс ослабления государственной структуры до опасного уровня начался в 1990 г., когда республиканские и областные властные группировки развернули борьбу за контроль над местной экономикой и ресурсами в связи с предстоящей приватизацией. За пределами России номенклатура объединялась с националистической интеллигенцией, укрепив административный ресурс идеологическим обоснованием своих социально-экономических претензий. Без поддержки номенклатуры общественные круги не смогли бы в короткий срок приобрести влияние, достаточное для успеха борьбы за независимость.

Распад. Выше я отметил, что согласен с датировкой последнего периода существования СССР второй половиной 1991 г., точнее — после 19 августа 1991 г. Попытка ГКЧП взять власть резко изменила траекторию развития, свалив страну «в пике». Но в очерке об этом периоде Пихоя начинает повествование не с августа того года, а с апреля — хотя историю Новоогарёвского процесса логичнее было бы рассмотреть в предыдущей части статьи. Анализируя проект Союзного договора, автор приходит к выводу: «Горбачёв пошёл на большие, принципиальные уступки. Союзные республики в ближайшем будущем должны были стать “суверенными государствами”, нигде в тексте этого документа не применяется понятие “СССР” к будущему Союзу. Его политическая организация оставалась намеренно неясной. Нигде не было заявлено, что новый Союз будет социалистическим. Из этого нетрудно было заключить, что участники Новоогарёвской встречи пересмотрели ряд положений недавнего референдума 17 марта 1991 г. и в них отразилась позиция российского руководства».

Начну с того, что в преамбуле «Основных положений» проекта договора красуется аббревиатура СССР. Слово «суверенитет» тогда трактовалось как приоритет республиканского законодательства над союзным, многие республики уже провозгласили суверенитет, но из Союза не вышли. Отступление от референдума заключалось только в замене слова «социалистических» на «суверенных». Но и второе слово содержалось в формулировке референдума, и за

него граждане тоже голосовали, так что отступление было невелико — учитывая неопределённость слова «социализм» применительно к ситуации рубежа 1980—1990-х гг. Так что говорить о пересмотре «ряда положений» не приходится — разве что одного¹⁰. Нет доказательств тому, что накануне выступления ГКЧП распад СССР был неизбежен. Существовали объективные тенденции, которые ослабили его конструкцию, но чем закончится это ослабление — распадом или трансформацией с сохранением единого государства — оставалось предметом политической борьбы.

Описание событий 19—21 августа снова «ельциноцентрично». Массы, которые выступили против ГКЧП и в защиту демократии, упоминаются мельком как «вставшие на защиту Президента России». Однако в реальности отношение на баррикадах именно к Ельцину было различным — могу засвидетельствовать это как участник событий. Более того, первоначально значительные массы стали собираться не у «Белого дома», а на Манежной площади — привычной площадке, откуда можно было угрожать Кремлю. Здесь демонстранты забирались на БТРы ещё до того, как аналогичный акт совершил Ельцин. Затем массы переместились к Дому Советов, где защищали избранную власть, не сводившуюся к Ельцину — ведь были и российские депутаты. Часть демонстрантов, выступавших против ГКЧП, несли прогорбачёвские лозунги. Так что массовое движение, без которого Ельцин не имел шансов на успех, отличалось разнообразием и его нельзя свести к группе поддержки одного человека. Захват «Белого дома» войсками был возможен только ценой больших жертв, на что члены ГКЧП решиться не могли. Их поражение стало неизбежным, как только на Манежной, Тверской и у Дома Советов стали собираться массы сторонников демократии. Однако после капитуляции «путчистов» власть над союзными структурами не вернулась к Горбачёву (что стало бы восстановлением законности), а оказалась захвачена руководством РФ, что и является настоящим переворотом.

События 19—21 августа привели к срыву подписания Союзного договора и «параду независимостей». Мотивы последнего являются предметом дискуссии — ведь прочь из СССР устремились не только те страны, лидеры которых и раньше заявляли о стремлении к независимости, но и остальные республики. Это заставляет предположить, что для тамошних номенклатур «парад независимостей» был не делом принципа, а ситуативной реакцией на победу в центре непредсказуемых сил, которые, кроме всего прочего, могли обвинить республиканских руководителей в сотрудничестве с «путчистами» за их недолгую лояльность, проявленную к ГКЧП. Когда ситуация успокоилась, Горбачёву удалось возродить Новоогарёвский процесс в урезанном формате. Все это не позволяет согласиться с тем, что «фактически Советский Союз перестал существовать в первые недели после путча». Он перестал существовать в декабре 1991 г. или даже несколько позднее, по мере распада структур, соединявших страну в единое пространство. Ниже Р.Г. Пихоя высказывается точнее: «Реально начался процесс распада единого государства». Однако даже после Беловежского соглашения СССР продолжал существовать. Его судьба зависела от ратификации соглашений и от позиции лидеров азиатских республик (прежде всего Н.А. Назарбаева). Последние поддержали роспуск СССР. Его история закончилась 25 декабря 1991 г. отставкой президента. Этой же датой можно датировать и завершение перестройки.

¹⁰ Текст проекта договора см.: Правда. 1991. 15 августа.